

Примечания автора:

У меня есть вай-фай точка доступа! О, да, божественный интернет через ноутбук, как же я тебя обожаю. А ещё я обожаю постить гей-фанфики в общественных местах ;)

Но хе-хе, с другой стороны, у нас вторая глава от лица Локи! Мне очень интересно, что вы, ребята, подумаете, но, так как у меня ограничено время, лучше я побыстрее. Наслаждайтесь!

О, и предупреждение: возможна гомофобия и упоминания гомофобных действий в прошлом.

(В конце главы — дополнительные примечания.)

Локи использовал начальную телепортацию, чтобы оказаться прямо снаружи своего последнего убежища. Оно было простым, но скрытым, и это было самым важным для него на данный момент. Танос всё ещё охотился за его головой, и существовало множество других существ, которых он разозлил за долгие годы и которые с радостью убили бы его, представись такая возможность. Безопасность Асгарда — даже их золотых тюрем — теперь была для него потеряна. У него не было даже удобной ширмы смерти, учитывая, что Один объявил вселенной о его жизни. Локи оставалось только скрываться в тених и часто менять местонахождение.

Это была удручающая ситуация, но всё, что он мог делать, по крайней мере, пока Танос не перестанет существовать. Именно дом Энтони Старка предоставлял ему расслабляющую альтернативу постоянной бдительности. Тони не осознавал, насколько защита его башни и безопасность их контракта позволяли Локи расслабиться. Мидгард также был далёк от остальных миров и хорошо защищён. Очень немногие осмелились бы или были настолько глупы, чтобы искать его там.

Энтони оказывал ему большую услугу — не то чтобы Локи намеревался позволить другому узнать об этом. Он всё же прекрасно осознавал, что Энтони всё равно не потребуется много времени, чтобы разгадать причины этого.

Знание интеллекта этого смертного вызывало лёгкое раздражение, но также стало началом чего-то тёплого. Прошло много времени с тех пор, как Локи находил кого-то, кто ему действительно нравился, не говоря уже о том, чтобы иметь кого-то рядом. Часть его хотела сопротивляться их растущему взаимопониманию. Он знал продолжительность жизни смертных, а также срок действия своего контракта с этим, и всё же Локи колебался, прежде чем обуздать своё растущее удовольствие от общества другого.

В конце концов, что такое жизни и сделки, как не то, что можно продлить? Локи вряд ли разорвёт связь прежде, чем она сможет полностью расцвести; это было бы пустой тратой хорошей возможности. Его мысли всё чаще обращались к этой идее по мере того, как шли дни. Локи ещё не был достаточно убеждён, чтобы действовать, но это заполняло его более задумчивые моменты.

Тем не менее, это было для другого раза. Сейчас у него были более важные дела, на которых нужно сосредоточиться.

Локи бегло осмотрел комнату, в которой находился, легко вздыхая при виде очередного бесполезного жилища. Он сделал жест и активировал заклинания, которые выцарапал на стенах — ту же магию, которую вырезал в любом месте, где проживал дольше двух дней. Они были очень просты по замыслу и отправляли любые предметы в пределах их радиуса в место, указанное создателем — в случае Локи, они отправляли их в его следующее назначенное безопасное убежище.

Это заняло всего несколько мгновений, и как только последние остатки энергии заклинания покинули комнату, он провёл финальную проверку, пока не удовлетворился, что ничего не упущено. Когда он закончил, Локи набросил иллюзию на все предметы, которые только что убрал. Он чувствовал взгляд Хеймдалла с тех пор, как покинул Мидгард — ас пытался его обнаружить. Зачем он продолжал эти тщетные попытки, Локи не знал. Упрямая решимость, предположил он, к сожалению, распространённая до уровня идиотизма среди населения Асгарда.

Направившись к тому, что служило его входной дверью — но на самом деле было магически созданным разрывом в скале, — Локи снял ещё один свой щит и замер в ожидании.

Не прошло и мгновения, как Хеймдалл установил местонахождение Локи и опустил Биврёст снаружи его жилища. Локи предположил, что Тор был отчаяннее, чем он думал, раз даже не отходил от сторожа Асгарда, пока тот искал.

Тор приземлился на бегу и бросился на Локи с рычанием на лице и яростью в глазах. Было слишком легко позволить ему пронзить иллюзию.

Ответ, который он произнёс на Мидгарде, был у него на языке, но Тор удивил его. Ас изменил траекторию на полпути к столкновению с клоном. Это было заранее продуманное движение, чтобы сменить курс на то место, где на самом деле прятался Локи. Глаза Локи расширились, и он едва успел открутиться в сторону, чтобы не дать Тору прижать его к стене.

Тор зарычал от своей неудачи. Его руки упёрлись в камень, о который он только что едва не разбился. Затем он сверкнул взглядом через плечо на расслабленную фигуру Локи.

— Боже мой, — прокомментировал Локи, — у мидгардцев такой эффект на тебя. Интересно, это Энтони наконец вбил тебе в голову, как смотреть сквозь мои иллюзии?

— Не только твой смертный знает такие вещи, — возразил Тор.

Брови Локи взметнулись вверх.

— Мой смертный? Серьёзно, Тор, как это у тебя получается сохранять их расположение, когда ты обращаешься с ними как с простыми предметами?

— Ты искажаешь мои слова! — рявкнул Тор, поворачиваясь к нему лицом и сжимая Мьельнир. Он угрожающе поднял его, и Локи невинно поднял руки. Тора это едва ли обмануло. — Локи. Я пришёл узнать твои намерения в отношении Энтони Старка.

— Мои намерения? — Локи был в восторге от этого оборота. — Ты спрашиваешь о его чести или о моей? Должен признаться, я не ожидал, что выкуп за невесту будут обсуждать с тобой.

— Локи! — Тор звучал одинаково испуганно, взволнованно и неловко.

Локи получал слишком много удовольствия.

Он издал драматичный вздох.

— Но, полагаю, ты был бы одним из немногих на Мидгарде, кто знает старые обычаи. — Он шевельнул пальцами и сотворил между ними три золотые монеты. — Этого достаточно? Его клан ведь отверг его. По праву я должен либо взять его как завоевание в битве, либо принять его собственное состояние как мою плату.

— Это не шутки, — выдавил Тор сквозь стиснутые зубы. — Перестань говорить о Старке таким образом.

Локи моргнул и помахал золотом перед Тором.

— Полагаю, я могу говорить о нём как пожелаю. Он мой, не так ли?

— Ты уже заявил, что он ничья собственность. Или слова, которые ты произнёс в его доме, были не более чем очередной ложью?

Локи усмехнулся, хотя в глубине души был разочарован тем, что его поддразнивание пришлось прервать.

— И в этом ты прав. — Он без труда растворил монеты. — Он мой союзник, и поэтому любые переговоры были завершены между нами. — Он позволил некоторому раздражению и стали просочиться в его тон — тому, что всегда возникало в присутствии Тора и его домыслов. — У тебя нет права вмешиваться, Громовержец.

— У меня есть все права! — настаивал Тор. — Я не позволю тебе причинить вред моему другу!

— О? — выплюнул Локи, раздражение быстро брало верх. — Как это уже сделали вы? Я полагаю, Энтони выбрал больше не называть тебя Братом по Щиту. Он отдал это различие, этот ранг мне. Он дал ясно понять, что он не твоя забота, а моя.

Тор шагнул вперёд.

— Так вот в чём дело? Ты берёшь Старка в союзники, чтобы он больше не был моим?

Локи издал резкий смешок.

— Ты думаешь, вселенная и мои намерения настолько узки, чтобы касаться исключительно тебя? Даже когда я страдал в роли преданного брата, я не сосредотачивал всё своё внимание лишь на твоей золотой персоне.

— Тогда зачем ты это делаешь? — спросил Тор, в его голосе и на лице читались растерянность и разочарование. — Он был твоим врагом, смертным. — Он указал на Локи. — Какую ценность ты в нём увидел, чтобы посвящать ему такую преданность?

Локи прищурился и наблюдал за другим, его разум зацепился за последнюю, резкую фразу. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять — слишком много веков было между ними, чтобы Тора было трудно читать.

— Вот твоя истинная забота, — объявил Локи. — Не безопасность Энтони, не нелепая идея, что я всё ещё представляю угрозу для Мидгарда, а твоя обида на то, что я заключил этот союз не с тобой. — Локи не мог сдержать недоверчивый выдох. Он даже не был польщён или доволен тем, что Тор каким-то образом ревновал — нет, Локи был действительно раздражён. — Ты предаёшь своего бывшего союзника, ты предаёшь меня — и ожидаешь стоять здесь и получать нашу лояльность? Ты ожидаешь, что мы поклянёмся служить не более чем переросшему ребёнку? — Локи теперь кричал, приближаясь и рыча на другого. — Ты нападаешь на меня в моём доме из-за своего капризного гнева оттого, что тебя не выбрали? Что ты не мог решить свою проблему, просто существуя и размахивая своим молотом?

— Локи... — попытался Тор, но Трикстер не останавливался.

— Ты не заслуживаешь нас, — прошипел Локи. — Количество людей в этой вселенной, которых я считаю достойными своего времени, никогда не было велико. Ты получил его когда-то благодаря лжи, которая когда-то делала нас братьями. У тебя больше нет этого, и ты не приложил никаких усилий, чтобы заслужить моё расположение. Почему я должен предложить тебе хотя бы половину той верности, которую я отдал Энтони?

— Я не знал о твоём истинном происхождении, — перебил Тор, — и я не знал, насколько сильно это навредит Энтони — то, что мы сделали!

Локи фыркнул.

— А как насчёт того, как вы обращались со мной? Постоянное пренебрежение ко всему, что я делал для тебя и твоих жалких друзей?

И о, как же ему хотелось обсудить и Энтони. Это было у него на языке, но он заставил себя замолчать. Энтони никогда не спрашивал его о предательстве, которое поставило Локи на путь, приведший его к Таносу, так что и он не будет вытягивать из Тора знания о том, что причинило боль Энтони. Его любопытство всё равно жгло изнутри.

— Как ты ожидаешь, что я захочу жизнь, которую презирал, пока жил ею?

— Ты называешь нашу юность, наше отрочество такой вещью? — потребовал Тор. — Ты называешь каждый счастливый момент, проведённый с матерью и мной, фарсом?

Локи едва чувствовал свою улыбку, хотя знал, что она расплзлась неприятной и горькой.

— Каково это, Тор? Обнаружить, что часть твоей жизни — ложь? Больно? Становится трудно доверять мне? Представь это и подумай, насколько хуже должно быть знать, что каждая твоя часть — не более чем...

— Это не так! — Тор быстро протянул руку и обхватил его шею. Локи попытался отшатнуться, но Тор держал его крепко. — Ничем из того, что мы разделили, не было неправдой. Ты мой брат. Мне всё равно, что было в твоей крови или в моей. Ты говоришь, что я причинил тебе боль, я никогда не хотел этого, поверь мне, брат. Я никогда не знал, что причиняю тебе такое горе.

Локи ненавидел Тора. Он ненавидел его больше, чем когда-либо, когда Тор был искренним и смотрел на него такими широкими, полными боли глазами. Тор действительно не знал, что сделал, но он сожалел об этом. Чувство было приятным, но условие, которое с ним пришло, заставляло любую добрую волю в Локи угасать до ярости.

Тор будет произносить эту речь перед ним до конца их дней, если потребуется, пока наконец не получит прощения Локи за эту обиду. Локи испытывал это в своей юности, когда его гнев горел ярко и горячо, и ему требовались дни, чтобы снова принять общество Тора. Речь Тора всегда была честной, и он искренне чувствовал бы себя виноватым, пока Локи наконец не освобождал его от текущего проступка. Всё затем возвращалось к тому, как было раньше — потому что ничего не менялось.

Тор хотел залечить рану, но, высокомерный кронпринц, которым он был, он никогда не хотел изменить себя, чтобы сделать это. Он снова и снова оскорблял и унижал, возвращаясь к тому же поведению. Тор произносил свои слова как бальзам, которым он их считал — как его учили делать, когда он поступал неправильно, — но они ничего для него не значили. Слова были лишь средством для достижения цели — получения того, чего он хотел.

Это, больше чем что-либо ещё, никогда не позволит Локи простить его.

Локи чувствовал, как эта многовековая боль застревает в уголках его рта, и он стиснул зубы, отталкивая Тора, чтобы подавить её. Движение и его шаткость удались только благодаря удивлению Тора.

— Мы прошли точку твоих медовых речей, Одинсон. — Локи выпрямился, затем насильно стёр все эмоции с лица и из голоса. — Мой контракт с Энтони в силе. Мы поможем тебе и твоим Мстителям на любых совместных полях битв, но мы не союзники. Мы...

— Я не позволю вам со Старком отделиться от нас! — поклялся Тор.

— У тебя нет над нами власти, — возразил Локи, затем сжал челюсть и кулаки, злясь на себя за то, что позволил своей ярости вырваться наружу.

Тор в ответ откинул плечи назад, и его громоподобный голос, казалось, заполнил всю комнату. Это был жест, который едва ли действовал на Локи после многих лет насмешек над Тором в их юности, когда он отточил его. Тор хотел звучать так же властно, как Один, и хотя ему это удавалось с другими, с Локи это случалось редко.

— Я не позволю твоим планам осуществиться. Я не позволю тебе втащить Тони Старка в твоё тёмное извращение!

Вряд ли Тор имел в виду то, к чему отсылал, но о, Локи не мог удержаться — в основном ради того, чтобы смутить Тора.

— Мне едва ли нужно кого-то втаскивать в моё «тёмное извращение». Мужчины приходят в мою постель добровольно. — Протяжные слова Локи возымели желаемый эффект — Тор покраснел от гнева.

— Ты не будешь делать такие заявления о его характере!

— О? — спросил Локи. — А если он действительно лежит подо мной? Если он преклоняет колени в единении своих покоев? Что тогда, Тор? — потребовал Локи. — Перевернёт ли у тебя в желудке, узнать, что твой бывший Брат по Щиту может быть таким образом обезоружен мной? Что он может выбрать такую позицию со страстью и привязанностью? Или это будет ещё одно извращение, приписываемое моему имени?

— Довольно! — прорычал Тор. — Я не желаю больше слышать твоих клеветнических слов! — Он сверкнул взглядом на мага. — Они говорят о тебе больше, чем любые поступки. В тебе не найти ничего исправившегося. — Его рот стал задумчивым. — Я боюсь, что Старк принял с тобой поспешное решение, о котором пожалеет. Тебе нельзя доверять.

Улыбка Локи была острой и смертоносной, как нож.

— Тысяча лет рядом со мной — и даже сейчас ты не знаешь самых мудрых мест, где искать честность.

— Я знаю, что не с тобой. — Убеждённость в словах Тора могла бы ранить, если бы Локи не ожидал этого заранее. Вместо этого он был просто разочарован. Ни один лжец не проводит всю жизнь с ложью на устах; чаще всего, ложь переплетена с правдой.

Локи даже пытался заставить Тора увидеть, что происходило с ним во время вторжения, но его никогда не признавали, не верили и не замечали. Тор не мог видеть дальше шор, созданных им самим, и Локи следовало бы знать лучше, чем продолжать пытаться их отодвигать. Но каким-то образом Локи упорствовал даже сейчас, только чтобы почувствовать себя глупцом, когда это не удавалось, когда его мучительное чувство к Громовержцу не могло быть стряхнуто.

Он заставил себя снова отложить это в сторону — ещё одну обиду, которая будет гноиться в его разуме.

— Ты можешь не соглашаться сколько угодно, Тор. Ты можешь видеть меня не иначе как дьявольским и злодейским, но это не меняет того, что сделано, и того, что я — союзник, которого выбрал Энтони.

Тор нахмурился, его упрямая решимость ничуть не изменилась в выражении лица.

— Я не позволю этому продолжаться, — он поднял молот, направляя его на Локи — не как угрозу, а как попытку запугать. — Помяни мои слова, Локи.

— Твои слова всегда были самой неточёной частью тебя, — заметил Локи. — Их всегда было слишком легко опровергнуть.

— Мы посмотрим, что Старк думает о таких вещах.

— Ты обнаружишь, что его мнение не отличается от моего, — ответил Локи, стараясь сохранить свой тон бесстрастным — полным контрастом тому упадочному ощущению в груди.

Это было правдой. Части того, о чём он говорил с Тором, были точны и, вероятно, подтверждены Энтони. Но другие? Они были куда менее верны. А что насчёт убеждённости смертного оставаться в союзе с Локи, если он узнает о Ётунхейме? Энтони, возможно, и останется его союзником, но их взаимопонимание? Их растущее удовольствие от общества друг друга? Всё это могло исчезнуть в одно мгновение.

Энтони был слишком хорош, слишком абсолютно героичен, чтобы игнорировать те смерти. Он также был совершенно непреклонен, и это остановит любое прощение проступков Локи —

независимо от того, насколько безумен и потерян он был тогда.

И да уберегут Норны Тора от того, чтобы он поднял тему поддразниваний Локи. Энтони, насколько мог судить Локи, не вступал в отношения с людьми своего пола. У него могли быть свои грубые и шуточные замечания наедине, но чтобы их публично озвучили как ситуацию, которую Локи увековечивает? Он бы отрицал это; он мог даже оскорбиться такой клеветой. Ас оскорбился бы.

Но он не ас.

Это было правдой, смертные, казалось, более открыты к такой практике, но откуда Локи мог знать, что почувствует Энтони?

Конечно, ему могло повезти, и Тор мог не осмелиться поднять эту тему. Асгард настолько строго относился к этому, что простолюдинов иногда избивали до смерти за их снисхождение. Статус Локи защищал его и заставлял Тора лишь кричать и пытаться вбить в него здравый смысл за участие в таких действиях.

Тор мог бы пожелать отрицать саму идею того, что это когда-либо могло быть правдой об Энтони, чтобы верить, что это была лишь очередная ложь, призванная антагонизировать Тора. В конце концов, Энтони состоял в отношениях с женщиной, которую Локи встретил ранее. Этого могло быть достаточно доказательств, чтобы Тор проигнорировал слова Локи.

Локи мог только надеяться.

Вопрос его предпочтений всегда вызывал разногласия. Фандрал был единственным, кто не усмехался и не унижал его за это — мечник просто игнорировал это. Это закрытие глаз было лучшим, что он получал, пока не появился Энтони. Он открыто признавал гомосексуальное поведение, и Локи восхищался этим.

Это была такая запретная тема в Асгарде, что сначала поддразнивающая манера Энтони была странной, даже ошеломляющей, но Локи начал нравиться парировать эти замечания обратно ему. Ему нравилось втираться в личное пространство Энтони и наблюдать, как тот усмехается и прикасается к нему в ответ.

Он не хотел, чтобы Тор, этот неуклюжий, высокомерный дурак, всё ему испортил. Испортил принятие той части себя, о которой Энтони даже не знал, что он в ней участвует.

Но ты мог бы узнать, что Энтони на самом деле думает об этих вещах. О тебе, — тёмным шёпотом произнесла часть Локи.

Это был соблазн, которому он с трудом сопротивлялся.

Тору в конце концов нужно будет поговорить с Энтони, и если Локи попытается остановить его, он почувствует, что его сомнения лишь подтвердились. Единственное, что могло бы успокоить аса, — это если бы Тор вернулся в Мидгард и поговорил с Энтони напрямую.

Локи мог бы просто... наблюдать незамеченным, пока они обсуждают дела.

Он знал, что больше не может телепортироваться прямо в дом Энтони без того, чтобы смертный не был оповещён его ИИ, — но прибыть снаружи башни и использовать иллюзию, чтобы пройти сквозь систему слежения? Локи, возможно, ещё мог бы это устроить. Ему нужно было бы уйти в тот момент, когда Тор использовал Биврёст, если он хотел прибыть до того, как они начнут по-настоящему разговаривать.

Тор был слишком предсказуем в поисках Локи, и его действия были истинной причиной, по которой Локи покинул дом смертного. Он не знал, что Тор мог бы открыть слушающим ушам Энтони, если бы остался в Мидгарде, чтобы Тор его нашёл. Громовержец всё равно бы искал Энтони, но по крайней мере так он спровоцировал Тора начать противостояние в то время, которое Локи знал и мог отслеживать.

Да, он должен был воспользоваться тем, что мог, и принять последствия того, что произойдёт во время этого.

Его размышления дали Тору время направиться обратно к месту Биврёста. Локи двинулся за ним, задержавшись у двери, когда Тор развернулся на каблуках, чтобы посмотреть на него.

— Если ты солгал Старку, — поклялся Тор, — я не успокоюсь, пока не вырву его из твоего контракта.

Локи прищурился, но ему не дали времени ответить, потому что Тор закричал:

— Хеймдалл!

Локи поднял руку, снова укрыв себя плащом невидимости ещё до того, как Тор скрылся из виду. Это должно было помочь развеять подозрения Тора о том, что за ним последуют обратно в Башню Старка — если Локи снова исчезнет с радаров Хеймдалла. Тор поверит, что Локи просто меняет место своего жительства, поверит, что Локи не посмеет последовать за ним.

Его высокомерие было одновременно и поразительным, и полезным.

В ту же секунду, как Тор исчез, Локи не колеблясь вернулся в мир смертных. Его предательское сердце колотилось, а разум наполнился беспокойством — и сожалением, — пока он двигался. Он не ожидал, что его привязанность к Энтони возникнет так быстро, и всё же он не мог этого отрицать. Он уже был заинтересован в сохранении Энтони как союзника.

Как друга?

Нет. Локи не мог поверить, что был настолько жалок, чтобы позволить себе так быстро стать зависимым от легкомысленной привязанности и принятия одного блестящего смертного.

Я просто отказываюсь доставлять Тору удовольствие быть правым.

Примечания автора (конец главы):

Бонус! Следующая глава полностью написана и тоже от лица Локи. Так что я выложу её через неделю, потому что люблю быть маленьким засранцем ;)

Также я должен упомянуть, что я не пытаюсь выставить Тора злодеем. Я просто придерживаюсь идеи, что асы/Асгард настроены против гомосексуалов. Мне нравится фактор ангста, который это даёт Локи, и пожимает плечами я не буду за это извиняться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17314/1638199>